

Е Чжэнь полагал, что переродился в исключительное, редчайшее существо, и теперь вся его жизнь должна пройти в неге и праздности. В конце концов, хозяин так дорожил им, так любил его, что Е Чжэнь был уверен: беззаботное существование ему обеспечено.

Однако он никак не ожидал такого поворота событий. Как душа натурала могла смириться с тем, что ему предстоит вынашивать жеребят от жеребца? Е Чжэнь сразу почувствовал, что всё кончено. Мало того, что у него нет подходящего органа для вынашивания, так еще и мысль о том, что какой-то жеребец придавит его своим весом ради таких постыдных дел, была невыносима. Он не мог этого принять. Совсем.

Этот удар поверг Е Чжэня в глубокую апатию. Ахалтекинская лошадь, прежде с аппетитом уплетавшая корм, вдруг стала крайне равнодушна к жизни. Он перестал есть даже любимый горох и сочную зеленую траву, что не на шутку встревожило Батиэра.

Тот вызвал ветеринара. Осмотрев коня и проверив все показатели, врач вынес вердикт: У Ланса психологические проблемы. Вероятно, в последнее время вы создали для него некомфортную обстановку.

Только тогда Батиэр вспомнил, что недавно запер Дилуна и Ланса вместе, чтобы они наладили отношения. Он и представить не мог, что это нанесет Лансу такой вред, и принялся горько себя корить. Обнимая Ланса за голову, он осыпал его поцелуями и извинениями: — Прости, малыш, я думал, что Дилун тебе нравится.

Е Чжэнь не винил Батиэра, он просто считал, что такая жизнь лишена всякого смысла. Ему хотелось покинуть это лошадиное тело, и он гадал, не станет ли смерть избавлением. Смириться с участью жеребца, который должен приносить потомство, было для него сложнее, чем достать звезду с неба.

Ветеринар посоветовал Батиэру: — Чаще выводите Ланса на прогулки, дайте ему пообщаться с другими сородичами, постарайтесь просветить его. Ланс очень смысленный, он как человек: тоже может хандрить и даже впасть в депрессию.

Услышав от Дилуна о предстоящем материнстве, Е Чжэнь действительно впал в уныние. Он уже начал подумывать: если невозможно покинуть это тело, то нужно хотя бы сбежать из поместья.

Последовав совету ветеринара, Батиэр разделил Ланса и Дилуна. Похлопав Дилуна по морде, он виновато произнес: — Дилун, ты отличный парень, но прости, мой Ланс, кажется, не испытывает к тебе симпатии.

Дилун, конечно, знал, что не нравится Лансу. Ему самому было любопытно, какой же породистый конь достоин такого нежного Омеги. Тот был настолько избалован, что из-за одной только мысли о жеребятках перестал есть и пить, и никакие уговоры на него не действовали.

Дилун вернулся в свой обычный загон, где соседи поспешили выразить ему сочувствие.

Белый конь слева спросил: — Эй, Дилун, ты так и не покорил Ланса?

Дилун, жуя траву, ответил: — Нет, он слишком изнежен.

Коричневый конь справа поинтересовался: — Что же вы делали все эти дни? Вас совсем не было видно.

Дилун ответил: — Составлял ему компанию в раздумьях о смысле лошадиной жизни. Похоже, он не готов смириться с судьбой будущего родителя.

Белый конь удивился: — Разве он не Омега? Почему он не может принять это?

Дилун вздохнул: — Кто знает. Но одно ясно точно: от меня он рожать не будет.

Коричневый конь позавидовал: — Мы все думали, что ты добьешься своего, ведь ты такой выдающийся.

Дилун жевал сочную траву: — Нет, ему не нравятся такие, как я.

Так какой же конь нравится Лансу? Этого не знали даже самые именитые жеребцы; они не могли даже догадаться, что у него на уме.

Раз уж Дилун потерпел неудачу, Батиэр начал новый отбор. Он снова выпустил Ланса на пастбище к другим породистым коням. Но те вели себя осторожно: завидя Ланса, они смотрели на него, но не решались подойти. Они знали, что Ланс будет их отталкивать.

Прекрасный ахалтекинец с золотистой шерстью, сияющей на солнце, выглядел настолько притягательно, что любой порыв ветра делал его вид еще более соблазнительным. Жеребцы заволновались, каждый хотел попытать счастья и проявить знаки внимания.

Однако Ланс обвел взглядом присутствующих, после чего уверенно зашагал на своих длинных ногах прямо к Дилуну.

Всех охватило недоумение. Разве Дилун не говорил, что Ланс к нему равнодушен? Что же это значит?

Группа жеребцов уставилась на Дилуна, и многие из них смотрели на него с нескрываемой враждебностью.

Е Чжэнь был не слишком близок с другими конями, лишь немного привык к Дилуну. Проведя с ним несколько дней, он обнаружил, что характер Дилуна не так уж плох. Подойдя к нему и увидев, что тот опустил голову и не смотрит на него, Е Чжэнь тоже склонил голову и тихо позвал:

— Дилун.

— М?

— Я хочу сбежать.

Дилун поднял на него глаза: — Почему?

Е Чжэнь ответил: — Я не хочу искать себе жеребца.

Дилун усмехнулся: — Ты наивен.

Е Чжэнь возразил: — Разве я не могу сам распоряжаться своим будущим?

Дилун ответил: — У тебя есть хозяин, Батиэр души в тебе не чает.

Е Чжэнь замолчал.

Дилун продолжил: — Даже если ты сбежишь из поместья, сможешь ли ты выжить в одиночку, лишившись опеки людей? Ты — домашняя лошадь, а не дикий зверь, в дикой природе тебе не выжить.

Е Чжэнь не хотел сдаваться: — Я справлюсь, я найду способ выжить.

Дилун счел его слова глупостью: — Типичный избалованный Омега, ты не знаешь, как жесток мир за пределами этого места. Даже если сейчас ты не выберешь себе Альфу по душе, позже тебе все равно придется это сделать. Если только не подвергнешься стерилизации — не удалишь свои железы и не избавишься от феромонов.

Е Чжэнь: — ...

Судя по словам Дилуна, выбора у него нет.

Е Чжэнь спросил: — Обязательно искать?

Дилун ответил утвердительно: — Когда придет время, хочешь ты того или нет, тебе придется. Даже если хозяин не найдет тебе пару, ты сам начнешь искать, потому что в период гона ты не справишься в одиночку, тебе понадобится Альфа.

Е Чжэнь: — ...

Что это за ужасный период гона? Судя по описанию Дилуна, это нечто пугающее.

Е Чжэнь размышлял об этом весь день, а после обеда, прежде чем слуги успели завести лошадей в стойла, один из Альф впал в неистовство. Он помчался прямо к Е Чжэню. Тот не сразу понял, что происходит, но окружающие кони, напуганные напором Альфы, в тревоге бросились врассыпную, и пастбище наполнилось ржанием.

Е Чжэнь подумал, что тот просто хочет подраться, и почти не испугался. Но жеребец подбежал вплотную, и мощная волна феромонов ударила Е Чжэню в нос, отчего тот инстинктивно сжался. Жеребец начал кружить вокруг него, зашел сзади и потянулся мордой к его хвосту.

Е Чжэнь чуть было не подвергся домогательствам, и в панике лягнул наглеца. Удар пришелся сильный, но жеребец не собирался отступать и попытался взобраться на высокую спину Ланса.

Ланс был напуган до смерти. Видя, что соперник намного мощнее, он бросился бежать по пастбищу, но тот не отставал.

Наблюдавший за этим Дилун не выдержал. Ланс был слишком изнежен, его сил не хватало ни на что.

Он заржал, обращаясь к Лансу: — Беги ко мне!

Ланс припустил со всех ног к Дилуну. Тот, преодолевая боль в задней ноге, преградил путь преследователю, оскалив зубы. Было ясно, что он советует не вмешиваться не в свое дело.

Дилун, чемпион по скачкам с гордым нравом, никогда не терпел подобных провокаций. Все эти породистые жеребцы были лишь красивой картинкой, и в настоящей драке никто из них не мог сравниться с Дилуном.

Преодолевая боль, Дилун встал на дыбы и грозно заржал. Когда Альфа рванул вперед, Дилун не отступил: он бросился на него и вцепился зубами в гриву. От боли тот был вынужден отступить.

В этот момент Батиэр и слуги, услышав шум на пастбище, поняли, что у одного из жеребцов начался период гона. К счастью, ветеринар все еще был на месте, наблюдая за Лансом. Они немедленно приготовили успокоительное, подошли к пастбищу и сделали укол, после чего жеребец успокоился.

Батиэр первым делом бросился к Лансу, осматривая его с головы до ног, дрожа от страха: — Ланс, ты в порядке? Нигде не поранился?

Ланс тихо заржал и повел ушами: он был цел, но вот Дилун...

Дилун, чья задняя нога и так была повреждена, теперь совсем не мог на нее опираться — она дрожала. Но он не издал ни звука.

Е Чжэнь почувствовал укол совести.

Когда ветеринар закончил с уколом, уже стемнело. Батиэр приказал слугам отвести лошадей в конюшню, а сам повел Ланса. Проходя мимо Дилуна, Ланс потерся о его шею.

Дилун, страдавший от боли в ноге, замер. Он поднял глаза, глядя на удаляющийся изящный силуэт Ланса.

Он только что... потерся о него? Проявил симпатию? Потому что он спас его?

Выражение лица Дилуна стало сложным. Он отвел взгляд — боль в ноге вернула его в реальность. Плата за геройство — собственные страдания.

Вернувшись в конюшню, Батиэр успокаивал Ланса: — У Миро просто начался период гона, он хотел спариться, не вини его, он не хотел причинить тебе вред.

Е Чжэнь не мог объясниться с Батиэром, но потерся об него в ответ, показывая, что не злится, а просто испугался.

Оказалось, период гона — это такая страшная вещь, вот почему Дилун говорил, что в одиночку ему не справиться. Е Чжэнь вдруг ужаснулся наступлению этого дня. Он надеялся, что этот день никогда не придет.

Сейчас его больше всего беспокоил Дилун, он боялся, что его травма усугубится. Е Чжэнь не сомкнул глаз всю ночь.

Как только рассвело, пришел А-Вэй, чтобы добавить корма и травы. Е Чжэнь был крайне беспокоен, нервно ходил по конюшне и ржал, глядя на слугу.

А-Вэй, решив, что с конем что-то не так, начал его успокаивать: — Ланс, не волнуйся, еще рано. Успокойся, выйдем, когда выйдет солнце, тебе нельзя на утренний ветер.

В прошлый раз из-за утреннего ветра Ланс три дня пролежал с высокой температурой, и

теперь никто не рисковал выпускать его рано.

Но Ланс так нервничал, что передними копытами уперся в дверцу стойла. Видя это, А-Вэй пошел докладывать Батиэру.

Батиэру пришлось встать. Увидев, как Ланс мечется, он не на шутку встревожился. Как только дверь открылась, Ланс, не слушая препятствий, рванул из конюшни. Батиэру пришлось схватиться за поводья и последовать за ним.

Ланс бежал напрямик к обычным загонам, и Батиэр едва поспевал за ним.

— Ланс, не беги так быстро, вспотеешь! Если вспотеешь, а потом тебя продует, опять простудишься! — кричал Батиэр.

Е Чжэнь сбавил темп, и через десять минут они достигли загон.

Найдя стойло Дилуна, он увидел, что тот лежит внутри и не может подняться. Е Чжэнь заглянул через кормушку, и Дилун поднял на него голову.

Совесть Е Чжэня не давала ему покоя: — Дилун, ты как?

Голос Дилуна был глухим: — М-м, нормально. Отдохну немного, и пройдет.

На самом деле, из-за вчерашнего напряжения на месте травмы образовался гнойник. Батиэр привязал Ланса к кормушке и вошел в стойло к Дилуну, чтобы осмотреть рану.

Дилун от боли начал отбиваться и ржать, пытаясь встать, но едва не врезался в стену.

Сердце Е Чжэня сжалось. Батиэр взглянул на заднюю ногу коня и в ужасе воскликнул: — Как же так опухло? Разве он не шел на поправку? Как я теперь отчитаюсь перед Валлером?

В тревоге Батиэр достал телефон и позвонил ветеринару: — Пожалуйста, приезжайте в поместье как можно скорее. У Дилуна сильный отек колена, боюсь, он останется калек. С ним ничего не должно случиться, Валлер меня убьет!

Услышав слово калека, Е Чжэнь похолодел. Дилуну еще предстояло выступать на скачках, а если он станет негодным конем из-за него...

Сердце Е Чжэня сжалось в комок, и он посмотрел на Дилуна глазами испуганного олененка. Дилун, преодолевая боль, посмотрел на Ланса с его длинной изящной шеей. В его невинном взгляде сквозила такая жалость и неподдельное сочувствие, что Дилун был поражен.

У Ланса были очень длинные ресницы — хотя у всех лошадей они длинные, но такие золотистые и подкрученные Дилун видел впервые.

Дилун снова признал: Ланс действительно невероятно красив. Его шерсть цвета светлого золота радовала глаз. Его вполне можно было назвать Хепберн в мире лошадей.

Дилун отвел взгляд: он понял, что слишком пристально изучает Ланса. Это было на него не похоже.

Он с трудом поднялся, не решаясь наступить на больную ногу. Батиэр ушел за медикаментами. Дилун хотел подойти к кормушке, чтобы пожевать травы, и увидел, что Ланс все еще наблюдает за ним.

Дилун с досадой подумал: только не надо воображать, что после одного геройского поступка он покорило сердце Ланса. Тот сам говорил, что не хочет искать себе жеребца.

Поразмыслив, он, хромя, все же подошел к кормушке.

Е Чжэнь, дождавшись его, вытянул морду и потерся о морду Дилуна. Это было извинение, но он не произнес ни слова — всё было понятно без них. Он думал, что Дилун поймет.

Однако, почувствовав прикосновение, Дилун в испуге отпрянул, избегая ласки.

— Ланс, я Альфа.

— Я знаю.

— Проявляя ко мне симпатию, ты рискуешь в будущем вынашивать моих жеребят.

— ...

Черт, он просто хотел извиниться! С чего бы ему вдруг захотелось рожать жеребят от Дилуна? Вот уж раз мечтался!

<http://bllate.org/book/22194/2312928>